

- Umiejętności w Krakowie. T. XXXV, 1898, 307–352; *Idem. Piast* // *Przegląd Historyczny*. T. IV. 1907, 15–28; *Brückner* 405.
- ³ Mały atlas gwar polskich. T. I. Wrocław etc., 1957, mapa 19; Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. Zesz. III. Wrocław etc., 1966, mapa 126.
- ⁴ Słownik języka polskiego. Wyd. M. Orgelbrand. T. II. Wilno, 1861, 125 (так называемый Виленский словарь).
- ⁵ *Cieślíkowa A.* Staropolskie odapelatywne nazwy osobowe. Proces onimizacji. Wrocław etc., 1990, 94.
- ⁶ *Svoboda J.* Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964, 195, 198–199.
- ⁷ *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991, 136.
- ⁸ *Wojciechowski T.* O *Piaście* i *piaście* // *Rozprawy Wydziału Historyczno-Filologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie*. T. XXXII, 1895, 171–221.
- ⁹ *Karłowicz J.* // *Wiśła* X, 1896, 151.
- ¹⁰ *Варбот Ж.Ж.* Об этимологии праслав. **pěstovati*, **pěstunъ* // *Slavia*. Ročn. 63, 1994, 135–139. Здесь же – богатый фактический материал.
- ¹¹ Ср.: *Popowska-Taborska H.* Książdz Bernard Sychta – Piastun mowy kaszubskiej // *Tygodnik Powszechny*. XXXVII, 1983, 3–4, 14–15; *Walkusz J.* Piastun słowa, Ks. Bernard Sychta 1907–1982. Gdańsk; Pelplin, 1997.

Перевел с польского А.А. Калашиников

В.В. Седов

РУСЫ VIII–IX вв.

В книге “В поисках единства” О.Н. Трубачевым была выявлена и описана группа архаических (реликтовых) славянских гидронимов на юго-востоке древнерусского ареала (бассейн верхнего и среднего Дона, включая Северский Донец, левобережная часть Среднего Поднепровья и Северное Приазовье). Это преимущественно “гидрографические термины, характеризующие особенности воды, ее течения (‘продолговатый; тенистый; грязный; непроточный; обтекание’ и т.п.)” с элементами специфической семантики, с реконструируемым праславянским причастием от несохранившегося в славянских языках глаголах. “По всем признакам это древнейший разряд гидронимов” – подчеркивает О.Н. Трубачев. Произведенное им сопоставление этой группы водных названий с другими праславянскими группами гидронимов отчетливо демонстрирует обособленность (диалектность) архаической речной номенклатуры донецко-донского и лесобережно-днепровского ареала¹.

В этой связи интерес представляет рассмотрение истории славянского освоения этой территории, как она восстанавливается по археологическим материалам.

Первые достоверно славянские памятники в междуречье Днепра и Северского Донца датируются V–VII вв. Это поселения пеньковской

культуры, территория распространения которой ограничивается на западе Поднестровьем, на востоке – верхним течением Северского Донца. Носителями этой культуры были известные по историческим источникам VI–VII вв. анты – одно из крупных диалектно-племенных образований славян середины I тыс. н.э.² Северные области Днепровского левобережья и регион верхнего течения Оки в это время заселяли племена балтского этноязыкового массива, представленные колочинской и мошинской культурами. На средней и нижней Оке и в междуречье верхнего течения Дона и Волги, как и на более северных территориях, в это время проживали поволжские финны.

В конце VII или в самом начале VIII в. Днепровское левобережье и бассейн верхнего Дона заселяется славянами – носителями волынцевской культуры. Это была мощная миграционная волна, охватившая почти одновременно обширную территорию. Проживавшее на ее южных окраинах ранее славянское население, представленное пеньковскими древностями, влилось в состав волынцевского. На Киевщине носители волынцевской культуры освоили и правый берег Днепра.

Расселение племен волынцевской культуры на широкой территории вскоре привело к ее региональному членению. Уже в XVIII в. на ее основе формируются в Днепровском левобережье роменская культура, на Дону очень близкая к ней боршевская и на верхней Оке – ранневятичская.

Картография архаических славянских гидронимов, выявленных О.Н. Трубачевым, достаточно определенно указывает на связь с территорией расселения славян волынцевских древностей и их потомков – носителей роменской, боршевской и ранневятичской культур. Здесь сосредоточена основная часть рассматриваемой водной номенклатуры (карта 1).

Кроме того, гидронимы той же группы в меньшем числе фиксируются в северо-западной части ареала салтово-маяцкой культуры – на среднем Дону, в нижнем течении Северского Донца и в Северном Приазовье. В рассматриваемое время это была территория Хазарского каганата, население которого было разноэтничным. В его составе были хазары, аланы, болгары, угры, славяне, а также мелкие племенные группы. Как показал М.И. Артамонов, салтово-маяцкая была культурой всего населения Хазарского государства³. По деталям погребальной обрядности, керамическим материалам и особенностям домостроительства археологи выявляют места проживания отдельных племенных групп, входивших в состав населения Хазарии. Обнаруживается и славянский этнический компонент.

Наряду с юртообразными жилищами в северо-западных районах территории салтово-маяцкой культуры раскопано немало полуземляночных построек с двускатными крышами, которые сопоставимы с характерными домами славянского населения южной части Восточной Европы. Немалая часть таких жилищ принадлежала и неславянскому населению салтово-маяцкой культуры, в частности аланам, осевшим в Донецко-Донском регионе в VIII–IX вв. Высказана мысль, что обычай сооружать полуземляночные жилища был позаимствован аланами, а

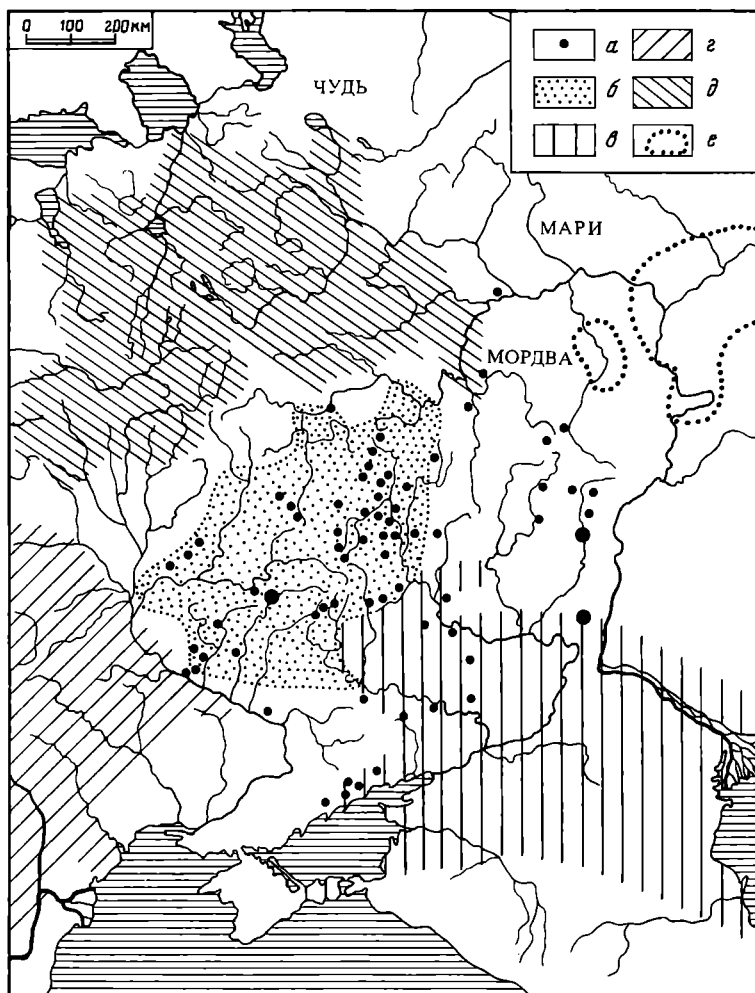

Рис. 1. Этнокультурная ситуация в Восточной Европе в первой половине IX в.

а – архаические славянские гидронимы донецко-донского и левобережноднепровского ареала, выделенные О.Н. Трубачевым; *б* – ареал волынцевских древностей и сложившихся на их основе роменской, боршевской и ранневятичской культур в IX в.; *в* – ареал салтово-маяцкой культуры; *г* – правобережноднепровских славян (культуры луки-райковецкая и сахновская); *д* – севернорусских древностей; *е* – регионы именьковской культуры.

возможно, и другими племенами, у славян. Собственно славянский этнический компонент выявляется по интерьерам полуземляночных построек и отопительным устройствам. В салтово-маяцком ареале очаги во многих полуземлянках устраивались в центре, что не свойственно славянскому миру рассматриваемого времени. Однако раскопками выявлено и немало построек, в которых очаги располагались у стены или в углу, как печи в славянских домах. В ряде случаев в жилищах были открыты и глинобитные на каркасе печи, идентичные отопительным устройствам в домах волынцевской и роменской культур. Эти полуземлянки уже достаточно определенно следует связывать со славянским населением Хазарии.

В могильниках салтово-маяцкой культуры наряду с весьма распространенными захоронениями по обряду ингумации есть и трупосожжения, нехарактерные для алано-хазарского населения. Погребения по обряду кремации локализуются исключительно в бассейне Северского Донца и западнее его, то есть в регионе, где фиксируются архаические славянские гидронимы. Некоторые из трупосожжений были урновыми. В качестве урн использовались горшки, близкие к керамике пеньковской культуры, или лощеные корчажки салтово-маяцких типов. Таким образом, часть урновых погребений можно связывать со славянским этносом. Племенную принадлежность безурновых трупосожжений определить не удается, поскольку такая обрядность в салтово-маяцком ареале была свойственна не только славянам. Так, среди ямных трупосожжений встречены могилы, рядом с которыми располагались тайнички с конской сбруей, оружием и украшениями. Эти захоронения оставлены явно не славянами.

О проживании славян в северо-западной части салтово-маяцкой территории говорят и керамические материалы. Среди последних встречаются горшки, весьма напоминающие роменские и боршевские. В отличие от характерных салтово-маяцких сосудов, в тесте которых присутствует примесь травы и дресвы, эти горшки – с примесью шамота в тесте, как у славянской керамики юго-востока Восточноевропейской равнины. Встречаемость такой посуды на салтово-маяцких памятниках при сборах подъемного материала в процессе разведывательных изысканий иногда затрудняет определение культурной принадлежности поселений.

Таким образом, наличие славянских архаических гидронимов в северо-западной части территории салтово-маяцкой культуры находит объяснение в материалах археологии.

Несколько речных названий рассматриваемого типа известны еще восточнее ареала славян, представленных волынцевской культурой. Это бассейны левых притоков Дона – Хопра и Медведицы. Пока трудно сказать, являются ли эти гидронимы следами проникновения в эти земли волынцевско-боршевского населения, пока – из-за слабой обследованности этого региона недокументированными археологическими материалами, или же происхождение их обусловлено какими-то иными обстоятельствами.

Истоки волынцевской культуры находятся в Среднем Поволжье, где в IV–VII вв. проживало население, оставившее именьковскую культуру⁴. Ареал последней охватывал земли от нижней Камы на севере до Самарской луки на юге и от Суры на западе до реки Ик на востоке. Сравнительное сопоставление именьковских и волынцевских древностей выявляет их идентичность почти во всех деталях. Это касается и топографии поселений, и особенностей домостроительства, и деталей погребальной обрядности, и характера хозяйственной жизни, и керамического материала. Совокупность данных дает все основания говорить о близком родстве населения волынцевской и именьковской культур, о тесной взаимосвязи между ними.

Около рубежа VII и VIII столетий основная масса именьковских поселений и могильников прекращает свое существование. Поселения, как свидетельствуют их раскопки, не были разгромлены или сожжены, они были покинуты жителями, очевидно, переселившимися на другую территорию. Именно в это время в левобережноднепровском и среднедонском регионе и появляется новое население со своей вполне сложившейся волынцевской культурой. Пришлым населением безусловно были носители именьковской культуры, которые, очевидно, под давлением тюркоязычных кочевых орд вынуждены были оставить средневожские земли.

В середине VII в. в степях Приазовья образовалась сильная конфедерация болгаро-тюркских племенных групп, известная в источниках как “Великая Болгария”. После смерти ее хана Курбата конфедерация распалась, и отдельные группы племени стали расселяться в разных направлениях. В конце VII в. первые кочевые орды болгар появились в Среднем Поволжье, что, правда, осталось незамеченным византийскими историками⁵. Появлением этих воинственных кочевых орд, нужно полагать, и было обусловлено запустение поселений именьковской культуры.

Оставшееся в Среднем Поволжье разрозненное именьковское население ушло в глухие местности и позднее вошло в состав Волжской Болгарии. Арабский автор Ибн-Фадлан, посетивший эту страну в 921–922 гг., отмечая многоплеменную состав ее жителей, называет племена болгар, эскель, сиван, баранджары и сакалиба. Последним этнонимом (ас-сакалиба) раннесредневековые восточные историки именовали славян. По Ибн-Фадлану, все эти племена объединяются под общим названием не болгар, а “сакалиба”. Волжская Болгария именуется страной Сакалиба, а ее хан Алмуш царем сакалиба⁶. В раннесредневековых восточных источниках неоднократно упоминается “Славянская река”. Дискуссия относительно того, с какой рекой следует связывать это название (Волгой или Доном), касается периода VIII–IX вв. В последующее время, как свидетельствует Ал-Бируни (начало XI в.), под “Славянской рекой” определенно подразумевалась Волга⁷.

Именьковская группировка раннесредневекового славянства в течение трех столетий проживала в Среднем Поволжье в отрыве и изоляции от остального славянского мира. Это не могло не привести к появ-

лению некоторых языковых особенностей диалектного характера, что и документируется гидронимикой. Согласно изысканиям В.В. Напольского, в пермских языках выявляется ряд праславянских лексем, которые относятся ко времени до распада пермской этноязыковой общности⁸. Проникновение их в прапермский ареал, судя по данным археологии, могло осуществляться только из региона именьковской культуры. Среди праславянских терминов, заимствованных прапермяками, значится лексема *рожь*. Как известно, до славянского расселения на Восточноевропейской равнине эта культура не возделывалась. К. Яжджевский считает, что и в Средней Европе широкое распространение ржи было обусловлено славянскими миграциями⁹. В Среднем Поволжье эта культура до IV–V вв. н.э. не была известна. Очевидно, что рожь принесена сюда переселенцами из Северопричерноморских земель, создавшими именьковскую культуру. С уходом ее носителей из Средневожского региона рожь на средней Волге не культивировалась и получила распространение вновь в Волжской Болгарии в первых веках II тыс.

Сама именьковская культура в Среднем Поволжье сложилась в результате миграции большой группы населения из ареала черняховской культуры в связи с гуннским нашествием. Таким образом, устанавливается, что носители именьковской культуры, а позднее волынцевской, являются отдельным ответвлением славян-антов¹⁰.

Завершая рассмотрение архаической славянской гидронимики в донецко-донском, левобережноднепровском и приазовском ареале, О.Н. Трубачев пишет: “Есть вероятность, что именно здесь начал шириться этноним *Рус, Русь*, почему говорят о Донской Руси”¹¹. И это находит подтверждение в исторических источниках. Из “Описания городов и областей к северу от Дуная” – историческом источнике, условно называемом “Баварским географом”, следует, что по соседству с хазарами (*Caziri*) проживали русы (*Ruzzi*). Здесь же перечисляются названия соседних или ближайших к ним племен – *Forsderer liudi* (исследователи трактуют как неточно переданное древневерхненемецкое *Foristari liudy*, т.е. ‘лесные жители’ – от *forist* ‘лес’, которые отождествляются с древлянами – “зане седоша в лесах” – пишет о них русский летописец), *Fresiti* (согласно предположению Й. Херрманна, этот этноним соответствует древневерхненемецкому *Freisasen* ‘свободные жители’, т.е. ‘проживавшие в незалесенной, свободной от лесов местности’ – поляне русских летописей), *Busane* (бужане), *Velunzane* (волыняне), *Unlizi* (уличи), *Ungare* (угры), *Aturezane* (предположительно, тиверцы).

Рукопись “Баварского географа” исследователи по палеографическим особенностям датировали первой половиной IX в. (Р. Новы и Й. Херрманн), по историческим реалиям, связанным с описаниями племен Моравского Подунавья, – ко времени около 817 г. (Л. Гавлик), в связи с характеристикой ободритов – к 840-м годам (В. Фритце) или даже к периоду “вскоре после 795 г.” (Л. Дралле). А.В. Назаренко, недавно вновь прокомментировавший этот источник, склонен определять дошедшую до нас рукопись второй половиной IX в., отмечая при этом, что

сказать, является ли она оригиналом или копией более раннего документа, невозможно¹².

Таким образом, данные “Баварского географа” документируют историческую ситуацию IX в., скорее всего, его первой половины. Все названные в нем этнонимы, относящиеся к югу Восточноевропейской равнины, надежно локализируются на археологической карте IX в. Русам на ней остается только ареал волынцевской (или роменско-боршевской) культуры¹³. Следовательно, русами именовались славяне – носители волынцевской культуры.

Становление этого этнонима, нужно полагать, восходит к славяно-иранскому (может быть, к славяно-арийскому) симбиозу, имевшему место в Причерноморье в римское время. Оттуда этноним сначала переместился в Среднее Поволжье (носители именьковской культуры), затем в левобережноднепровско-донской регион. В этой связи находит объяснение и прапермское **rǫč* ‘русский’, проникшее в прапермскую этноязыковую общность до ее распада, т.е. ранее VIII в.¹⁴ Это следует рассматривать как результат контакта прапермяков со славянами именьковской культуры.

Примечание

- ¹ Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997, 199–206.
- ² Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994, 233–286; *Он же*. Славяне в раннем средневековье. М., 1995, 68–108.
- ³ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- ⁴ Старостин П.Н. Именьковская культура (Свод археологических источников. Вып. 31–32). М., 1967; Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994, 49–66; *Он же*. Славяне в раннем средневековье..., 193–196.
- ⁵ Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
- ⁶ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1965, 121–148.
- ⁷ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, 368–370.
- ⁸ Nadolskich V.V. Die Vorslaven in unteren Kamagebiet in der Mitte des 1 Jahrtausend unserer Zeitrechnung Permisches Sprachmaterial // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 18/19. Hamburg, 1996. 97–106.
- ⁹ Яжджевский К. О значении возделывания ржи в культурах раннего железного века в бассейнах Одры и Вислы // Древности славян и Руси. М., 1988, 98–99.
- ¹⁰ Седов В.В. Славяне в древности..., 309–315; *Он же*. Славяне в раннем средневековье..., 186–208.
- ¹¹ Трубачев О.Н. В поисках единства..., 207.
- ¹² Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993, 7–51.
- ¹³ Седов В.В. Русский каганат IX века // Отечественная история. 1998, № 4, рис. 1.
- ¹⁴ Трубачев О.Н. В поисках единства..., 245–246.